

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ВАДИМОМ ВАЛЕРЬЕВИЧЕМ РАДАЕВЫМ

Считаете ли Вы себя социологом?

По образованию я экономист (закончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова), и кандидатская диссертация у меня была по политической экономии. А вот докторскую защищал уже по двум специальностям — «Экономическая теория» и «Экономическая социология». Сейчас, если нужно, без особого труда представляю себя институциональным экономистом, но по сути являюсь социологом или, точнее, экономсоциологом.

Что привело Вас в социологию? Социология — ваше призвание или только профессия? Или и то, и другое?

В советское время я о социологии не знал практически ничего и занимался политической экономией. При этом меня постоянно напрягала ее чрезмерная абстрактность, радикальная оторванность выводимых законов от того, что наблюдалось вокруг. Хотелось какого-то «прорыва к реальности», а подходящих инструментов не было — статистика, на которую опирались экономисты, была крайне скудной, вымороченной, да и имеющиеся цифры друг с другом не сходились. А тут выяснилось, что социологи получают какие-то данные, и довольно интересные. Поэтому, когда мы, группа молодых экономистов, включая Я.И. Кузьмина, Э.С. Набиуллина и Т.П. Субботину, в 1987 году приступили к работе над своей первой книгой об отчуждении труда, я начал собирать результаты социологических исследований и с их помощью иллюстрировать наши выводы.

Затем я заинтересовался социологической теорией и всерьез занялся са-

мообразованием: брал кучу книг, уезжал в академический пансионат в Звенигороде и читал... Читал все подряд — от классиков до современников, от теории до прикладных исследований. Очень помогли организованная Теодором Шаниным в 1990 году трехмесячная Летняя школа в Кентербери и последующие многочисленные поездки в университеты Великобритании.

Ремеслу же обучался в ходе конкретных проектов. Несмотря на возражения предложения, я решил не уезжать из России и в начале 1990-х годов организовал свою первую исследовательскую группу. Мы начали проводить эмпирические исследования новых российских предпринимателей. Курс SPSS нам прочитал Саша Крыштановский — просто по-дружески, увидев, что нам это действительно нужно. Услышанное тут же пускали в дело. Так и учились. Постепенно призвание стало профессией.

Что побудило Вас заняться социологией, а не другим делом?

В университетские годы у меня очень хорошо шла математика, и мне даже предлагали перейти на экономическую кибернетику (математическое отделение экономического факультета). Но, видимо, я изначально был человеком более гуманитарным, и изучение философии мне доставляло большее удовольствие, чем решение математических задач.

Почему я не бросил академическую деятельность в начале 1990-х годов, когда, как казалось, в России это стало никому не нужным делом? Действительно, не хватало денег, разрушалась профессиональная среда, кто-то уходил в бизнес, многие мои коллеги уехали из страны. Но я в какой-то степени пошел на принцип — мне нравилось заниматься исследованиями и преподавать. И вместо того чтобы жаловаться на жизнь, делал одну работу за другой. Вскоре ситуация изменилась к лучшему — материально и профессионально. И я рад, что не ошибся с выбором.

Как сложился Ваш жизненный и профессиональный путь?

После завершения аспирантуры в МГУ, досрочно защитившись, я был приглашен в Институт экономики РАН. Мне повезло — меня взяли в так называемый молодежный, или «директорский», сектор, которым непосредственно руководил академик Л.И. Абалкин. Нас было семь человек и, в отличие от всех других сотрудников института, мы могли заниматься фактически тем, чем хотели. И уверяю Вас, мы не «плевали в потолок» — нас не нужно было заставлять работать. Мы с энтузиазмом хватались за новые, ранее запретные и открывшиеся в результате перестройки темы — гражданское общество, бюрократизм, властная стратификация — и писали, как нам тогда казалось, страшно смелые и прорывные работы. «Старики» косились на нас и ворчали, но уже не трогали — времена изменились. Пусть эти первые работы еще были не слишком профессиональными, сложившаяся творческая атмосфера многого стоила.

В дальнейшем я по-прежнему занимался тем, чем хотел, всю пользуясь академической свободой. Правда, денег в Институте не было ни на исследования, ни на поездки. Но я находил их сам, благо появились разные фонды с их грантовыми программами.

С формальными должностями дела обстояли вроде бы тоже благополучно. Придя в Институт экономики младшим научным сотрудником, я вскоре прошел все положенные ступени, став самым молодым заведующим сектором, затем самым молодым заведующим отделом. Мне уже намекали на дальнейшие радужные карьерные перспективы.

Но, к сожалению, со временем творческая атмосфера уходила из Российской академии наук. Молодежи становилось все меньше. Кадровый состав в целом постепенно, но неуклонно деградировал. Академическая жизнь закономерно перемещалась в университеты. И получив приглашение из Государственного университета – Высшей школы экономики — видимо, лучшего университета в области экономических и социальных наук, — я с тремя своими более молодыми коллегами туда перешел, став заведующим кафедрой экономической социологии, унаследовав ее от О.И. Шкаратана, и проректором, а затем первым проректором ГУ – ВШЭ. Жизнь стала намного более хлопотной, но зато и более интересной.

Кто были Ваши учителя?

Должен сказать, что на ранних этапах мне как раз не хватало учителя, за которым я мог бы следовать и у которого мог бы перенимать конкретные исследовательские навыки. И я сожалею об этом. До многого приходилось доходить самостоятельно. Вплоть до того, что в нашем первом эмпирическом проекте мне пришлось быть одновременно и «учеником» и руководителем. Конечно, многие люди помогли мне на разных этапах. Мои научные руководители в период аспирантуры (Н.А. Цаголов, В.Н. Черковец, Е.В. Красникова), хотя и были ортодоксальными политико-экономами, научили тщательному отношению к методологическим вопросам. Л.И. Абалкин в период пребывания в Институте экономики научил толерантному отношению к разным взглядам и дал возможность свободно работать в не самое легкое время. Работы Т.И. Заславской, еще даже до личного знакомства с ней, способствовали моему переходу в социологию. О.И. Шкаратан помог первоначально сориентироваться в этой новой сфере и снабдил нужными книгами из личной библиотеки. Позднее мне довелось встречаться и со многими живыми классиками мировой социологии. Но вот систематически учиться у кого-то, увы, не довелось.

По публикациям и публичной активности вы известны в России. Какие из Ваших научных идей и работ наиболее ценны для Вас лично и какие получили признание научной общественности?

Я всегда занимался разными темами. И у меня есть работы, скажем, по социальной стратификации и массовому поведению населения, социальным институтам и идеологическим системам, высшему профессиональному образованию и организации исследовательских проектов. Но, безусловно, главной исследовательской областью для меня является экономическая социология, именно в этой области я постоянно занимаюсь разработкой теоретических подходов и одновременно разными эмпирическими исследовани-

ями — количественными и качественными. Наиболее важной своей книгой считаю «Экономическую социологию» (Радаев 2005). А в эмпирической части, видимо, более известен цикл работ по новому российскому предпринимательству, а позднее — работы по изучению новых российских рынков. Именно эти работы чаще публиковались и за рубежом, выходя на разных языках.

Вы работаете и преподаете в Москве, в Государственном университете – Высшей школе экономики. С какого времени Вы трудитесь здесь, и что означает для Вас эта работа?

Я начал читать лекции в ГУ – ВШЭ еще в 1994 году, но окончательно перешел сюда на работу в 1999 году. Это был непростой переход для человека, привыкшего к практически полной академической свободе. С тех пор основная часть моего рабочего времени уходит на администрирование. За эти годы мне приходилось заниматься курированием и науки, и издательской деятельности, и библиотек, и даже информационных технологий. Сейчас я отвечаю за академическую деятельность всех многочисленных факультетов университета. ГУ – ВШЭ — очень мощный, живой и интересный академический проект. И я чувствую, что усилия тратятся не зря.

Но за все приходится платить. И на исследовательскую работу сегодня остается куда меньше времени, чем хотелось бы. Мне также пришлось резко сократить свою международную активность. В былое время я постоянно выступал на международных конференциях, представлял Россию в комитете RC02 «Хозяйство и общество» в Международной социологической ассоциации, был сопрезидентом исследовательской сети по экономической социологии в Европейской социологической ассоциации. Сейчас в зарубежные командировки я выезжаю редко, многие контакты совершенно забросил — беспокойное университетское «хозяйство» требует постоянного внимания и присутствия.

Что является для Вас основным приоритетом: преподавание, исследования, организационная или общественная деятельность?

Повторю, львиную долю времени сейчас занимает организаторская деятельность. Но в душе приоритетом остается исследовательская работа — она приносит настоящее удовлетворение. Преподаванием я занимался всегда, но в умеренном объеме, никогда не читал один курс дважды в течение одного учебного года, чтобы не надоедало. В последние годы удовлетворение от преподавательской деятельности заметно возросло: студенты стали сильнее; накопился опыт; наконец, просто приятно преподавать, особенно если знаешь, что формально ты не обязан этого делать. Общественной же и политической деятельностью принципиально не занимаюсь уже много лет.

Престиж и влияние социологии и социологов заметно падают. На смену им приходят экономисты, психологи, антропологи. Согласны ли Вы с такой оценкой?

Не во всем. Экономисты всегда были более многочисленной и влиятель-

ной когортой по сравнению с относительно маленьким сообществом социологов. Психология в России имеет хорошие традиции — более богатые, чем та же социология. Силу антропологии я бы пока не преувеличивал. И вообще, «угроза» для социологии исходит не от других социальных наук и не от экономики. Опережающими темпами растет популярность менеджмента, маркетинга, государственного и муниципального управления и прочих «надстроечных» дисциплин, которые вбирают в себя опыт фундаментальных социальных наук и предлагают их «потребителю» в облегченных комбинированных формах — по принципу «все и сразу». В этой борьбе даже экономика уже начинает проигрывать, например, по привлекательности среди абитуриентов.

Тем не менее социология сохраняет и сохранит свой «рынок». Просто все чаще спрос на социологию и социологов остается в латентной форме и проявляется под другими именами — все ищут маркетологов, специалистов по общественным отношениям, рекламе, управлению персоналом и т. п. Но выпускники хороших социологических факультетов во всех этих сферах без труда находят применение своим профессиональным навыкам.

В чем причины снижения авторитета социологии? Повсеместна ли такая ситуация, наблюдается ли она и в других странах?

Некоторое время назад известный экономосоциолог из Стенфордского университета Вуди Пауэлл обратил внимание на то, как сокращаются полки с социологической литературой в ведущих книжных магазинах США. При этом литературы не становится меньше. Просто она «растаскивается» по другим дисциплинарным полкам. И мне действительно все чаще приходилось находить интересующие меня книги по экономической социологии в самых разных книжных отделах — экономики, менеджмента, истории.

Все это очень символично: социология точно так же растаскивается по разным предметным областям. И социологи отчасти сами в этом виноваты. Подобную ситуацию провоцируют их чрезмерные амбиции при недостаточной определенности методологического ядра. Причем, скажу больше, никто не сделал так много для дальнейшего размывания этого ядра, как сами социологи, — с популярными и чаще всего свободными от эмпирических обоснований общими теориями дезорганизации, деструктурирования, разукоренения, с помощью которых вполне целенаправленно подрывались такие основополагающие категории социологии, как социальный класс, семья, организация, норма, локальное сообщество. Присущий социологии методологический плюрализм, конечно, тоже способствует ее прогрессирующей фрагментации. Но подрывает ее отнюдь не только и не столько мультипарадигмальность.

Что, на Ваш взгляд, меняется в мировом социологическом сообществе? Как оно реагирует на подобное положение вещей в своей профессиональной среде и в публичной сфере?

Социологическое сообщество также специализируется и фрагментиру-

ется. Не случайно ведущие социологи мира фактически перестали ездить на крупнейшие мировые и европейские конгрессы, которые все больше заполняются выходцами из вчерашнего третьего мира. Ключевые обсуждения происходят на более специальных конференциях и семинарах.

Какова на это реакция социологического сообщества? Повсеместно раздаются стенания по поводу того, что «нас не слышат» и что «нет спроса на настоящую социологическую теорию». Полагаю, что вместо жалоб на невнимание публики, тупость политиков и чрезмерный прагматизм бизнеса следует для начала заняться обустройством собственного хозяйства. Когда мы будем понятны самим себе, нас воспримут и другие.

Какова ситуация в российском социологическом сообществе?

Общий профессиональный уровень российских социологов пока оставляет желать лучшего. Основных провалов два — явно недостаточное знание современной социологической теории, которая сплошь и рядом подменяется доморощенными конструкциями, и плохое знание количественных методов сбора и анализа данных, заменяемых внепроцедурными качественными исследованиями и «прикладными» рассуждениями в стиле базовых учебников по маркетингу.

Конечно, когда в формально ведущем вузе страны, МГУ им. М.В. Ломоносова, претендующем на то, чтобы задавать стандарты для провинции, на государственном экзамене по социологии вопросы по теории завершаются структурным функционализмом, а вопросы по количественным методам отсутствуют вовсе, когда его ведущие, наиболее массовые учебники оказываются продуктом откровенного и циничного плагиата, это не только свидетельствует о проблемах социологического факультета МГУ, но и наносит серьезный урон всему профессиональному сообществу.

Когда же вместо конструктивного решения этих проблем делаются попытки перевести дело в политическую плоскость, обвинить шестидесятников в западничестве и построить свою патриотическую и православную социологию, расколоть и без того слишком разношерстное профессиональное сообщество идейно и институционально, понимаешь, что российскую социологию ожидают не самые лучшие времена.

Чем были вызваны Ваш выбор и Ваши приоритеты в профессиональной научной и педагогической работе, Ваше увлечение наукой?

Выбор экономической социологии был определен образовательным бэкграундом. А вот увлечение академической деятельностью объяснить сложнее. Просто существуют люди, которые не могут этого не делать. Они не рассуждают, хорошее сейчас время или плохое, платят за это или не платят, есть время или его не хватает. Они просто это делают, потому что у них есть «драйв». Определить, что означает этот «драйв», по крайней мере в социологических терминах, я бы не взялся. Но сам я почти всегда чувствую, есть он у человека или нет. Именно люди с таким «драйвом» (пусть они и немногочисленны) делают всю игру.

Судя по публикациям, экономическая социология находится в центре Ваших интересов. Означает ли это, что именно данная отрасль социологии является наиболее общественно значимой?

Я, конечно, в этом отношении пристрастен. Но с объективной точки зрения экономическая социология относится к числу наиболее быстро развивающихся и перспективных отраслей социологии. В самой сильной национальной социологической ассоциации — американской — соответствующая секция всего за пять лет стала одной из самых многочисленных. На заседаниях экономсоциологов европейских конференций тоже постоянно появляются все новые и новые люди. У экономической социологии есть глубокие корни в классической теории, а в середине 1980-х годов она пережила второе рождение, сформировалась как современная отрасль исследований, популярность которой продолжает возрастать.

Как бы Вы охарактеризовали исследовательскую ситуацию в социологии и экономической социологии в России и за рубежом?

В первой половине текущего десятилетия, находясь в разных точках земного шара, я провел серию интервью с ведущими мировыми экономсоциологами, которые поделились своими видениями состояния и перспектив развития данного направления. Помимо публикации этих интервью в нашем журнале «Экономическая социология» (<http://www.ecsoc.msses.ru>), все они вошли в недавно изданную книгу «Экономическая социология: автопортреты», где также представлены обзоры состояния экономической социологии в самых разных странах (Экономическая социология: автопортреты 2006).

Что обращает на себя внимание: ведущие исследователи в области экономической социологии, в том числе те, кто прекрасно знаком друг с другом, часто по-разному классифицируют ее основные исследовательские подходы и называют разные источники в качестве прорывных работ последнего периода. Это означает, что экономическая социология еще находится в движении, она еще не подверглась окончательной институционализации, в значительной степени остается открытым полем. И тем она интересна.

Существуют ли в России самостоятельные научные школы в социологии и экономической социологии? Если да, то что они собой представляют?

Существуют разные определения того, что такое «научная школа». Я определяю ее так: научная школа возникает тогда, когда не просто существует сильный лидер, персонифицирующий какое-то направление исследований, но когда его выросшие ученики встают вровень с учителем или даже превосходят его.

Хрестоматийным примером в данном отношении может послужить Новосибирская экономико-социологическая школа, созданная Т.И. Заславской и И.В. Рывкиной. С нами сегодня работают уже ученики их учеников. И среди них множество ярких и самостоятельных фигур, которые при этом ощущают себя выходцами из этой школы и реально ими являются.

Резонно спросить, сможет ли «московская школа», а точнее, коллектив эко-

номсоциологов ГУ – ВШЭ, претендовать на подобный статус? Способных молодых коллег у нас предостаточно. Но произойдет это или нет, покажет время.

Насколько изменилось положение в российской социологии в постсоветский период?

Изменилось очень многое. Возникли новые отрасли (например, «фабрики» изучения общественного мнения), другие ее отрасли, наоборот, исчезли (например, заводская социология). Социология, наконец, получила официальный статус, в массовом порядке выдаются дипломы и присуждаются ученые степени. Она стала намного более открытой и плюралистичной. При этом разрушились многие коммуникативные связи. Молодые социологи, которые в отличие от нас имеют возможность получить базовое образование, в целом более профессиональны, чем были мы в их возрасте, и в то же время намного более прагматичны — на чистую романтику «езды в неизвестное» их зачастую уже не поднимешь. Говорят: «жить же на что-то надо». И упрекать их в этом язык не поворачивается.

Как Вы оцениваете уровень современного социологического образования за рубежом и в России?

Каково профессиональное сообщество, таково и образование — шершавое, часто весьма низкого качества. Я бы не стал идеализировать качество социологического образования и за рубежом. Но мы хотели бы, например, чтобы наши выпускники знали социологические методы так же, как выпускники американских университетов.

Не скрою, в последние годы факультет социологии ГУ – ВШЭ начал претендовать здесь на лидерские позиции, наряду с небольшой группой факультетов других российских вузов. Сейчас, например, мы реорганизуем нашу магистратуру, пытаюсь преодолеть традиционный порядок жесткого линейного обучения, когда студентам вдалбливают большое количество обязательных дисциплин, которые во многом повторяют то, что они уже слушали в бакалавриате. В нашей магистратуре сейчас студенты имеют возможность выбрать до 80 % из предлагаемых учебных курсов, причем выбрать их не из жестких связок (один из двух, два из четырех), а из общего пула, набирая положенные по международным стандартам 60 кредитов. Кроме того, мы ввели почти двухгодичной научно-исследовательский семинар, стимулируя исследовательскую компоненту программы.

В бакалавриате тоже есть свои новации. Например, государственный экзамен по английскому языку студенты сдают теперь в виде публичной защиты проекта своей выпускной квалификационной работы перед лицом преподавателей выпускающей кафедры и кафедры английского языка. Интересного много, всего не перескажешь*.

Каково Ваше нынешнее восприятие атмосферы 1970–1980-х годов в Советском Союзе?

* О некоторых образовательных инновациях см., например: (Радаев 2006).

Как и все, временами испытываю легкие приступы ностальгии. Вспоминаю, как выпивали с другими молодыми учеными фактически во всех столицах бывших республик СССР. Но при этом осознаю, что это скорее воспоминания о молодых годах, нежели желание оказаться в прежней ситуации. В эту ситуацию в целом мне не хотелось бы возвращаться. Как пел легендарный Ю. Шевчук: «Их нелегкая юность прошла вдалеке от вещей». Причем от вещей не только в грубом материальном смысле. Мы слишком мало знали, и почти никто не мог расширить эту узкую рамку. Слишком много было разных заборов и слишком многое было предопределено.

Что это был за период для Вас лично? Насколько значим этот период в вашей профессиональной деятельности?

Я не жалею, что в молодые годы занимался методологией (не в смысле методов сбора и анализа данных, а в смысле метатеоретизирования). Сейчас это помогает, у молодых коллег зачастую этот навык отсутствует. Правда, писал я в те годы ужасно. Мои работы, вышедшие в 1980-е годы, по-моему, невозможно читать. И не в силу идеологических причин, а просто рука набивается не сразу. По-человечески, как мне кажется, я начал писать уже в 1990-е годы.

Каково Ваше отношение к периоду перестройки и времени реформ 1990-х годов?

Будучи человеком в принципе не романтическим, я испытал подлинный романтический энтузиазм. Дошло до того, что в 1986 году я даже вступил в КПСС в ходе так называемого горбачевского призыва, чтобы как-то бороться и менять партию изнутри, а с нею менять окружающую нас ситуацию. Прошло несколько лет, иллюзии растаяли, и я покинул партию до того, как она сама развалилась (формально меня, как положено, исключили). Больше я подобные глупости не повторял, целиком отдавая время профессиональной работе.

Что же касается либеральных экономических реформ, то, не являясь либералом по типу мировоззрения, я тем не менее никогда не позволял и не позволяю себе поносить Е.Т. Гайдара и А.Б. Чубайса, понимая, что эти люди и их соратники взяли на себя ответственность в критическое для страны время и, как ни пафосно это звучит, «повернули ход истории». Что-то следовало сделать не так? Вполне возможно. Есть масса негативных последствий? А как бы Вы хотели — перенести сложную операцию и на следующий день вскочить совершенно здоровым? Просто одни в состоянии сделать эту операцию, а другие лишь гоняют воздух, размахивая руками (или кулаками).

Каков Ваш социологический диагноз нашего времени?

Если сформулировать в одном предложении: это время специфического встраивания разных агентов (стран, компаний и отдельных людей) в стремительно нарастающие глобальные процессы. Глобализация, таким образом, представляется не как нечто универсальное и абстрактное, а как некое общее поле, в котором каждый такой агент находит свои способы обустрой-

тва и воспроизводит свою особую позицию — кто в центре (в ядре), кто на обочине (на периферии)*.

Ваше теоретическое кредо?

Есть знаменитая фраза: «Нет ничего практичнее хорошей теории». Я в это искренне верю. Верю в то, что исследователь должен идти не от текущей практической конъюнктуры и плоско понятой «актуальности», а напротив, от фундаментальной теории. Только путь не должен быть бесконечным, надо не потеряться на полдороги, не заиграться в словесные конструкции. Это означает, в частности, что следует избегать чистой эзотерики.

При этом я признаю существование мировоззренческих, или еще можно назвать идеологических, построений (например, теории капитализма или открытого общества, глобализации или индивидуализации), которые изначально слишком общи и (или) ценностно перегружены, чтобы нуждаться в подтверждении конкретными фактами. Такие мировоззренческие системы играют важную стимулирующую роль, указывая на какие-то крупные тенденции. Но их желательно отделять от собственно социологических теорий, которые ожидают последующей операционализации и тестирования основных предположений.

Переходя на этот более конкретный уровень — операционализации наших теоретических построений и решения эмпирических задач, — мы неизбежно сталкиваемся с множеством объективно обусловленных разрывов. Их преодоление требует усилий, а порою исследовательской удачи, но опыт показывает, что это возможно. И тогда, казалось бы, самая фундаментальная теория четко объясняет конкретные действия людей, пусть и выражает это несколько иными словами, нежели сами участники событий.

Для пояснения приведу следующий пример, который мы недавно обсуждали на своем семинаре в Лаборатории экономико-социологических исследований**. Представим, что вместо привычных для социологов абстрактных рассуждений о важности и всеобщности социальных отношений предлагается концепция структурной укорененности действий участников рынка. На фундаментальном уровне она исходит из идеи о том, что рыночный обмен не сводится к разовым случайным связям, а предполагает наличие более устойчивых сетевых связей, но не настаивает на том, что все отношения укоренены или тем более укоренены в равной мере, что ткань социальных отношений везде однородна. В результате выбор деловых партнеров предстает для фирмы не как установление абстрактных экономических или, наоборот, абстрактных социальных отношений, а как конкретная комбинация случайных и укорененных связей. При таком подходе степень укорененности действий оказывается не только вариативной и ограниченной, но и измеряемой. А на основе анализа эмпирических данных, взятых из самой обычной отрасли,

* О специфике встраивания российской экономики в глобальное хозяйство см., например: (Овчинникова, Радаев 2007).

** Материал для примера взят из известной экономико-социологической статьи: (Уци 2007).

доказывается, что чаще других выживают фирмы, опирающиеся именно на сочетание двух типов связей. Так исходная теоретическая конструкция становится операциональной, а из исследовательских выводов вырастает совершенно практический императив. Он предписывает, как должны выстраиваться отношения фирмы, чтобы она оказалась успешной, — она должна достичь оптимального соотношения случайных («чисто рыночных») и укорененных («социальных») связей.

Казалось бы, все очень просто. Но за этим примером у автора (в данном случае у молодого американского профессора Б. Уци) стоят: четкое выделение аксиоматики; выдвижение гипотез, которые предлагают протестировать ни больше ни меньше как значимость основополагающей категории; корректный выбор объекта исследования без того, чтобы подгонять его под желаемый результат; тщательная эмпирическая работа и аккуратная интерпретация. Давайте делать все это, и многие основания для жалоб вскоре исчезнут.

Какие социологические и социально-экономические проблемы и темы привлекают Ваше внимание сегодня, в начале XXI столетия?

В экономической социологии на рубеже веков на передний план вышла проблема социологических исследований рынков. Эта область еще недавно была безраздельной вотчиной экономистов и маркетологов. Но она очень обширна, и социологи в состоянии сказать здесь свое веское слово.

Для меня и моих коллег сегодня это основная область изысканий. Я, как повелось, занимаюсь одновременно общей теорией, пытаюсь формировать экономико-социологическое понимание рынка (Радаев 2007), и разными эмпирическими проектами. В последние годы речь шла об изучении коренных изменений в сфере розничной торговли (см. статью ниже); о том, в какие сегменты российских продовольственных рынков быстрее проникает иностранный капитал; как ведется борьба с контрафактной продукцией, включая подделки, фальсификацию и имитацию известных брендов; что происходит на рынке телевизионной рекламы после принятия нового закона «О рекламе»; как меняются практики корпоративного управления в крупных российских компаниях. Интересных проектов много.

Что мешает и что помогает Вам в научной работе?

Мешает, конечно, большая административная работа (на это я уже жаловался). Помогают мои коллеги. Это и отличные помощники в проректорском офисе, и, главное, коллеги по кафедре экономической социологии и недавно созданной Лаборатории экономико-социологических исследований. Я призываю основные вещи (читать, считать, писать) делать сам. Но общение с ними формирует ту самую среду, которая стимулирует, подталкивает к творческой работе. Я еще помню те времена, когда многие интересовавшие меня вопросы мне попросту не с кем было обсудить. Сейчас такая возможность у меня есть, и это большая привилегия.

Ваше хобби?

С того момента как я, еще будучи школьником, закончил специализированную лыжную школу (наряду с обычной), я продолжаю (уже любительски) заниматься разными видами спорта. Выступал за МГУ в легкой атлетике, играл в баскетбол и в бадминтон. Сейчас на достаточно высоком любительском уровне играю в большой теннис, равнинные лыжи сменил на горные, попадая в теплые страны, занимаюсь виндсерфингом.

Не люблю театр. Зато люблю кино — но не как искусствовед, а как зритель и как социолог. Каждый год провожу в ГУ – ВШЭ так называемые рождественские семинары, на которых интерпретируются материалы разных кинофильмов. Словом, ничего необычного.

Ваши научные планы и намерения?

Сейчас у нас в разгаре очередной проект. Он называется «Власть и дискриминация на потребительских рынках: отношения розничных сетей и их поставщиков в современной России». С одной стороны, это сегодня очень острая тема, поскольку производители и поставщики пытаются руками государства «приструнить» быстро растущие сетевые компании, введя весьма жесткие антимонопольные ограничения. И на это накручивается множество всяких мифов. С другой стороны, здесь открывается раздолье для применения разных экономико-социологических подходов.

В эмпирической части мы устроили поставщикам и рознице своего рода «очную ставку», опрашивая их представителей по сходной анкете о том, как складываются их взаимоотношения. Полевые исследования проведены в пяти городах (включая, кстати, Санкт-Петербург — российского лидера по части развития сетевой торговли). Вновь рассчитываю на то, что ряд экономико-социологических теорий и результаты эмпирических исследований здесь органично соединятся с решением весьма практических вопросов.

Продолжаем заниматься переводами современной социологической классики. После недавно увидевших свет Хрестоматии (Западная экономическая социология 2004) и «Автопортретов» на выходе у нас новая книга: «Как работают рынки: социологический анализ». В ней собраны наши переводы известных работ по разным направлениям социологии рынков, опубликованных в 1990–2000-е годы. Сборник предваряется моей большой работой, характеризующей основные подходы в современной социологии рынков.

Продолжим также выпускать наш электронный журнал «Экономическая социология». Ему пошел уже восьмой год, он имеет свою значительную читательскую аудиторию. Мне периодически предлагают перевести его в бумажный формат. Но я этого делать не планирую. Вместо этого мы хотим доказать (надеюсь, отчасти уже доказали), что электронный журнал может выдерживать все каноны и отличаться от конвенциональных журналов только лишь формой носителя. Причем он имеет и свои преимущества. По крайней мере, «Экономическая социология» выходит в постоянном формате регулярнее, чем многие известные мне журнальные издания. И все номера журнала без всяких ограничений постоянно находятся в открытом доступе.

О качестве публикуемых материалов мне говорить неловко, пусть об этом судят читатели. Добавлю, что в ближайшее время для эксперимента попробуем (именно в электронном формате) пробиться в список ВАК.

Будут, конечно, и сюрпризы. Заранее все спланировать невозможно, да и не нужно. А когда появляется хорошая идея, как бы ты ни был занят, время на ее реализацию все равно найдется.

Литература

Радаев В.В. Экономическая социология. М.: ГУ – ВШЭ, 2005.

Радаев В.В. Новые формы организации учебного процесса (на примере ГУ – ВШЭ) // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 328–346.

Радаев В.В. Что такое рынок: экономико-социологический подход // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 115–128; № 4. С. 117–132.

Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и научн. ред. В.В. Радаев; Пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004.

Овчинникова Ю.В., Радаев В.В. Формирование структуры продовольственных рынков в России в процессе ее интеграции в мировое хозяйство // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 11. № 3. С. 309–336.

Учи Б. Источники и последствия укорененности для экономической эффективности организаций: влияние сетей // Экономическая социология. Т. 8. № 3. 2007. С. 44–60; № 4. С. 43–59.

Экономическая социология: автопортреты / Отв. ред. В.В. Радаев, М.С. Добрякова. М.: ГУ – ВШЭ, 2006.

Краткая биобиблиография профессора Вадима Валерьевича Радаева

Родился 29 марта 1961 г. в Москве.

Образование: высшее.

Диплом: экономист, преподаватель политэкономии.

В 1983 г. окончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1986 г. окончил очную аспирантуру экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Ученая степень: доктор экономических наук (1997, Институт экономики РАН). Диссертация защищена по двум специальностям: 08.00.01 (Политическая экономия) и 22.00.03 (Экономическая социология).

Ученое звание: профессор.

С 1987 по 1999 г. работал в Институте экономики РАН (АН СССР). С 1987 г. — научным сотрудником, с 1991 г. — зав. сектором, с 1995 г. — зав. отделом.

Места работы и должности в настоящее время:

- Первый проректор Государственного университета – Высшей школы экономики.
 - Заведующий кафедрой экономической социологии Государственного университета – Высшей школы экономики.
 - Руководитель лаборатории экономико-социологических исследований ГУ – ВШЭ.
 - Научный руководитель Федерального образовательного портала «Экономика, социология, менеджмент».
 - Главный редактор журнала «Экономическая социология».
- Читаемые лекционные курсы:*
- Экономическая социология-2.
 - Социология рынков.

- Современный стратификационный анализ.

Профессиональные интересы: экономическая социология, социология рынков, неформальная экономика, организация высшего профессионального образования.

Английский язык — свободно.

Основные исследовательские проекты:

- Власть и дискриминация на потребительских рынках: отношения розничных сетей и их поставщиков в современной России (ГУ – ВШЭ, 2007–2008) — руководитель проекта.
- Изменение масштабов и форм борьбы с контрафактной продукцией на российском рынке потребительских товаров (Русбренд, 2007–2008) — руководитель проекта.
- Корпоративное управление в современной России: опыт и перспективы (Национальный совет по корпоративному управлению, 2007) — участник проекта.
- Экономические последствия нового закона «О рекламе» (Русбренд, 2006) — руководитель проекта.
- Ненаблюдаемая экономика в России: социальный буфер или препятствие для экономического роста (Всемирный Банк, 2003) — участник проекта.
- Контрафактная продукция на российских рынках (Русбренд, 2003) — руководитель проекта.
- Конкурентная ситуация и развитие рынков (АКОРТ, 2002) — руководитель проекта.
- Издержки легализации российского бизнеса (РАТЭК, 2001) — руководитель проекта.
- Средние классы в современной России (Центр Карнеги, 2000–2002) — участник проекта.
- Неформальная экономика городских и сельских домашних хозяйств (при поддержке INTAS, 1999–2001) — руководитель исследовательской группы.
- Институциональные аспекты проблемы бедности в России (Всемирный Банк, 1999) — основной исполнитель.
- Совладание в посткоммунистической России: социальные и экономические стратегии андекласса (при поддержке Института «Открытое общество», № 153/1998, 1998–2000) — руководитель проекта.
- Малые и средние предприятия в переходной экономике: как развивается предпринимательство в постсоциалистических странах (UNU/WIDER, 1998–1999) — участник проекта.
- Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки и деловая этика (при поддержке CIPE, 1997–1998) — руководитель исследовательской программы.
- Стратегии экономического выживания населения в современной России (при поддержке Фонда Форда, 1997–1998) — руководитель проекта.
- Стратегии сбережений населения в современной России (экономико-социологический подход) (при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, 1997) — руководитель проекта.
- Средние слои населения: стратегии сбережений (при поддержке Московского отделения Российского научного фонда, 1994–1995) — индивидуальный проект.
- Основы экономической социологии (неолиберальный подход) (при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, 1995–1996) — руководитель проекта.
- Распространение предпринимательства в Восточной Европе (при поддержке фонда Центрально-европейского университета, 1993–1994) — участник проекта.
- Новое российское предпринимательство глазами экономической социологии

(при поддержке Междисциплинарного академического центра социальных наук, 1992–1996) — руководитель проекта.

- Адаптация к изменяющимся условиям труда и оплаты (при поддержке Венского координационного центра исследований и документации, 1989–1990) — участник проекта.

Основные проекты в сфере образования:

- Инновационная образовательная программа ГУ – ВШЭ «Формирование системы аналитических компетенций для инноваций в бизнесе и государственном управлении» (Министерство образования и науки РФ, 2006–2007) — руководитель проекта.

- Формирование конкурентоспособной экономики: фактическое и потенциальное влияние системы высшего образования в Ханты-Мансийском автономном округе (Всемирный Банк, 2007) — эксперт.

- Создание и развитие Федерального образовательного портала «Экономика, социология, менеджмент» (Министерство образования и науки РФ, 2002–2007) — руководитель проекта.

- Мониторинг стратегий развития организаций системы высшего профессионального образования для выявления и распространения успешных управленческих решений (Министерство образования и науки РФ, 2006) — участник проекта.

Публикации:

Всего за время работы опубликовано более 200 научных работ, включая семь монографий. Имеет публикации на английском, немецком, французском, итальянском и венгерском языках.

Среди публикаций на русском языке:

- Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле. М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ, 2007.

- Корпоративное управление в современной России: опыт и перспективы. М.: Национальный совет по корпоративному управлению, 2007.

- Экономическая социология. М.: ГУ – ВШЭ, 2005.

- Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ – ВШЭ, 2003.

- Как организовать и представить исследовательский проект: 75 простых правил. М.: ГУ – ВШЭ, Инфра-М, 2001.

- Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.

- Экономическая социология: курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997.

- Социальная стратификация. М.: Наука, 1995 (в соавт. с О.И. Шкаратаном). 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1996.

- Отчуждение труда: история и современность. М.: Экономика, 1989. (в соавт. с Я.И. Кузьминовым, Э.С. Набиуллиной, Т.П. Субботиной).

- Серия статей по институциональной экономике и социологии рынков («Вопросы экономики», «Мир России», «Социологический журнал», «Социологические исследования», «Общественные науки и современность», «Pro et Contra», «Российский журнал менеджмента», «Экономический журнал ВШЭ» и др.) (1998–2007).

- Серия из 16 статей, опубликованных под рубрикой «Экономическая социология» в «Российском экономическом журнале» (1994–1996).

• Серия из 12 статей по экономике и социологии нового российского предпринимательства («Вопросы экономики», «Мир России», «Проблемы прогнозирования», «МЭиМО» «Общество и экономика» и др. (1993–1995) (награждена премией Европейской академии за 1995 г.).

Публикации по образовательной тематике:

• На полдороге к будущему: оценка включенности группы российских вузов в Болонский процесс // Вопросы образования (в соавт. с Ю.Р. Муратовой) (в печати).

• Исследовательские институты: состояние и проблемы / Отв. ред. В. Куренной. Мыслящая Россия: картографии современных интеллектуальных направлений. М.: Наследие Евразии, 2006. С. 35–45.

• Новые формы организации учебного процесса (на примере ГУ – ВШЭ) // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 328–346.

• Отношение преподавателей и студентов к наказаниям за плагиат и списывание // Университетские инновации: опыт Высшей школы экономики / Под ред. Я.И. Кузьмина. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2006. С. 213–222 (в соавт. с И.С. Чириковым).

• Новые формы организации учебного процесса в ГУ – ВШЭ // Университетское образование: Практика и анализ. 2006. № 4. С. 10–24.

• Новые формы организации учебного процесса в ГУ – ВШЭ: оценки преподавателей и студентов // Вопросы образования. 2005. № 1. С. 178–198 (в соавторстве с В.В. Мельниковым, К.С. Фурсовым).

Среди публикаций на иностранных языках:

• Informal Institutional Arrangements and Tax Evasion in the Russian Economy // Koniordos S. (ed.). Networks, Trust and Social Capital: theoretical and Empirical Investigations from Europe. Aldershot: Ashgate, 2005. P. 189–203.

• Coping with Distrust in Emerging Russian Markets // Hardin R. (ed.). Distrust. New York: Russell Sage Foundation, 2004. P. 233–248.

• How Trust is Established in Economic Relationships when Institutions and Individuals Are Not Trustworthy: The Case of Russia // Kornai J., Rothstein B., Rose-Ackerman S. (eds.). Creating Social Trust in Post-Socialist Transition. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 91–110.

• The Development of Small Entrepreneurship in Russia // McIntyre R.J., Dallago B. Small and Medium Enterprises in Transitional Economies. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. P. 114–133.

• Corruption and Administrative Barriers for Russian Business // Kotkin S. and Sajo A. (eds.). Political Corruption in Transition. A Sceptic's Handbook. Budapest, New York: Central European University Press, 2002. P. 287–311.

• Entrepreneurial Strategies and the Structure of Transaction Costs in Russian Business // Bonnell V. and Gold T. (eds.). The New Entrepreneurs of Europe and Asia: Patterns of Business Development in Russia, Eastern Europe and China. Armonk: M.E. Sharpe, 2001. P. 191–213.

• Entreprise, protection et violence en Russie la fin des années 1990 // Cultures et Conflits. 2001. No 42. P. 47–68.

• Urban Households in the Informal Economy // Segbers K. (ed.). Explaining Post-Soviet Patchworks. Vol. 2. Aldershot: Ashgate, 2001. P. 333–361.

• Corruption and Violence in Russian Business in the Late 90s // Ledeneva A., and Kurkchiyan M. (eds.), Economic Crime in Russia. London: Kluwer Law International, 2000. P. 63–82.

- Wie in Russland Märkte entstehen: Vertragsdurchsetzung und Markteintritt // Berichte des Bundesinstituts fuer Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. 1999. December. No 41.
- A Gazdasagszocologia Helyzete Oroszorszagban // Szociologiai Szemle. 1999. No 1. P. 162–176.
- La Formazione di Nuovi Mercati e lo Stato nella Russia Postcomunista // La Nuova Tussia: Dibattito Culturale e Modello di Societa in Construzione. Torino: Edizione Fondazione Giovanni Agnelli. 1999. P. 125–153.
- Regional Entrepreneurship: The State of Small Business // A Regional Approach to Industrial Restructuring in the Tomsk Region, Russian Federation. Paris. Organisation of Economic Co-Operation and Development Proceedings, 1998. P. 275–319.
- Practicing and Potential Entrepreneurs in Russia // International Journal of Sociology. Fall 1997. Vol. 27. No 3. P. 15–50.
- Russia's Economic System Through the Prism of Ideological Systems // Problems of Economic Transition. November 1995. Vol. 38. No 7. P. 50–63.
- Adaptation to Socioeconomic Reforms in the Former Soviet Union // Gottlieb A., Yuchtman-Yaar E., Strumpel B. (eds.) Socioeconomic Change and Individual Adaptation: Comparing East and West. Greenwich. JAI Press Inc., 1994. P. 35–57.
- Emerging Russian Entrepreneurship As Viewed By the Experts // Economic and Industrial Democracy. Sage: London, 1993. Suppl. to Vol. 14. No 4. P. 55–77.
- Etacratism: Power and Property (Evidence From the Soviet Experience) // International sociology. Vol. 7. No 3. September 1992. P. 301–316 (in collab. with O. Shkaratan).